

⁶⁰ *August Sedláček*. Zbytky register králův římských a českých z let 1361–1480. Č. 1245. S. 173.

⁶¹ См. об этом: *František Kavka*. Zikmundova politika let 1429–1434 a husitství, Husitský Tábor 8, 1985. S. 89–105; Idem. Poslední Lucemburk na českém trůně. Praha, 1998. Kap. VII, VIII; Wilhelm Baum. Císař Zikmund. Kostnice, Hus a války proti Turkům. Praha, 1996. Kap. XVI; *Julius Bartl*. Zikmund Luxemburský. Budmerice, 1996. S. 69–81.

⁶² В 1437 г. владельцем Весели над Моравой является уже Блажек из Боротина (*Středověké listy ze Slovenska*. S. 9–10). По мнению Р. Урбанека, Острог Фридрих продал Райнпрехту фон Эберсдорфу (*K historii doby Jiskrovy na Slovensku a ve východní Morav.* S. 30).

⁶³ *František Palacký*. Dějiny národu českého v Čechách a v Moravě III. Praha, 1939. S. 563.

⁶⁴ *Jan Długosz IV*. S. 538–539.

⁶⁵ *Josef Pervolf*. Příspěvky k českým dějinám XV–XVI století, Časopis Musea Království Českého LIV. 1880. S. 403.

⁶⁶ *Roman Heck*. Tabor a kandidatura jagiellońska w Czechach (1438–1444). Wrocław, 1964. S. 146; *Jiří Jurok*. Moravský severovýchod v epoše husitské revoluce. S. 135–136. **Gede** (Gedec, Gewde, Gedew, Gevdew) – замок Гоедейов в окрестностях Римавской Сobotы, разрушенный турками в 1571 г.

⁶⁷ *Johann Loserth*. Regesten zur Geschichte der mährisch-ungarischen Beziehungen in der Zeit der hussitischen Söldernbander, 1918. S. 67. Č. 58. P. Хек предполагает, что эти акции были предприняты при тихом согласии польского двора с целью спровоцировать новую войну с Альбрехтом Габсбургом: *Roman Heck*. Tabor a kandidatura jagiellońska w Czechach (1438–1444). S. 147, 190.

⁶⁸ *Josef Chmel*. Regesta Friderici III. Rom. imperatoris (1440–1493). Wien, 1840. Č. 3792; «Waclaw knieze z Ostrowa» – *Středověké listy ze Slovenska*. S. 103.

М.В. ДМИТРИЕВ

КАТОЛИЦИЗМ И «ПРОТОНАЦИОНАЛИЗМ» ВО ФРАНЦИИ КОНЦА XVI ВЕКА (ПАМФЛЕТ Ф. ПИЖЕНА «ОСЛЕПЛЕНИЕ И НЕРАЗБОРЧИВОСТЬ ПОЛИТИКОВ»)

Задача этой статьи – рассмотреть как в католической мысли раннего Нового времени взаимодействовали христианские и «протонациональные» дискурсы. Мы это сделаем на примере одного из характерных сочинений консервативно-католического лагеря во Франции в конце XVI века (сторонники католической Лиги, а еще точнее – так называемой «испанской Лиги») – сочинения Франсуа Пижена «Ослепление и неразборчивость Политиков» («L'aveuglement et grande inconsideration des Politiques»)¹. Автор (?–1590) был священником, доктором теологии, кюре известного парижского прихода св. Николая-на-Полях (Saint-Nicolas-des-Champs) в 1588–1590 гг., одним из самых заметных проповедников радикальной католической партии, захватившей власть в Париже в 1588 году². Pamфлет был опубликован в Париже, видимо, в 1589 году³. Исследований, посвященных именно Ф. Пижену и данному его сочинению, кажется, не существует. Однако есть довольно многочисленные исследования о той группе французских публицистов и религиозных деятелей, которую он представлял⁴. Но ни в одной из известных мне работ⁵ тексты, подобные памфлету Пижена, не разбираются с той точки зрения того вопроса, который поставлен в данной статье. Вообще проблема потенциального (или актуального) конфликта между христианством и дискурсами национальной и прото-национальной идентичности не ставится во французской историографии, и этому есть объяснение: историки принимают как данное, что в европейских культурах Средних веков представления о «нациях» складываются как бы спонтанно, не вступая в противоречие с христианством. Однако *сравнение* западного опыта с данными об аналогичных процессах в Византии и на Руси заставляет задуматься, почему представления о христианских *nationes* органичны для католических культур и не кажутся органичными для культур византийско-православного круга⁶.

Ф. Пижен писал свой памфлет в остро кризисной ситуации, созданной религиозными войнами, гибелью Генриха III и переходом в протестантизм Генриха Наваррского, единственного вполне легитимного наследника французской короны. В спорах

о престолонаследии в католическом лагере сложились две группы: «рьяные католики», которые во имя сохранения чистоты веры отказывались признать права Генриха Наваррского, и католики-политики», которые были готовы к компромиссу во имя прекращения фактической гражданской войны. Одна из дилемм «рьяных католиков» – это выбор между королем-протестантом (но – французом!) и королем-католиком (но – испанцем!)⁷. Иначе говоря, они столкнулись с проблемой выбора между конфессиональной и «национальной» идентичностью страны⁸. Памфлет Ф. Пижена – пример того, как эту проблему решали самые завязтые сторонники неприкосновенности католической идентичности Франции.

Проблема, которая стоит за обращением к данной теме и данному сочинению, состоит в следующем. Во-первых, нельзя считать оконченным спор о том, сложились ли дискурсы модерного и современного национализма⁹ в XIX веке или они более или менее органично продолжают средневековые традиции. И тут стоит обратить внимание на «цену вопроса». Если все-таки окажется, что современные национализмы генетически и исторически восходят вовсе не к славной эпохе Французской революции, а к пользующимся дурной репутацией Средним векам, то нужно будет признать, что современный мир, для которого немислимо отказаться от идеи «национального» государства, остается в этом отношении по-прежнему миром средневековым. Во-вторых, если правы ученые, констатирующие, что национализм – это специфически «европейский продукт» (Д. Лангевише)¹⁰, то нужно будет сделать и следующий шаг, сравнивая «латинско-католическую» и «греческо-православную» Европу, а именно: попробовать объяснить, почему в православных культурах прото-национальные дискурсы развивались не так, как на Западе¹¹. В-третьих, обращение к сравнительным аспектам истории национализма и генезиса национальных дискурсов показывает, что для того, чтобы понять, почему Европа (или, скорее, лишь «латинская» часть Европы) породила «нации» и «национальные» государства, необходимо принять во внимание то, как протонациональные дискурсы взаимодействовали с христианством в западных и не-западных европейских культурах.

Таким образом, наша узко-частная задача – анализ взглядов Ф. Пижена на французскую монархию, на католицизм, на Францию как *natio* – тесно связана с решением большого научного вопроса о происхождении и природе современных национальных и националистических дискурсов, как и с вопросом об отличии, в этом отношении, российского исторического опыта от западноевропейского.

Чтобы выявить основные элементы и логику рассуждений французского публициста, представим своего рода синопсис сочинения Ф. Пижена. Важные для нашего анализа термины и понятия будут выделены курсивом.

В обращении к читателю Пижена говорит, что «грехи наши» привели к тому, что ересь распространяется, вера убывает, церковь потрясена, королевство разлагается, «народ» разорен¹².

Первая глава открывается декларацией о том, что право и власть управлять той или иной страной дается Богом, который – через «глас народный»! – поставляет правителя. И никакая власть не происходит не от Бога¹³. Примером этого правила является и судьба Франции и французов: покуда «французы» (*les François*) сохраняли набожность, они имели и хороших королей; развратившись же и погрузившись во зло, они обрели и скверных правителей¹⁴.

Однако Господь может и прервать линию наследования трона, новые правители могут быть поставлены вместо прежних, и они будут «носить титул и имя королей набожного народа, который есть их «избранный народ» (*peuple special*)¹⁵. Примером могут послужить библейские короли, выходцы «из низов» – Саул и Давид, и именно

Бог «переносит диадемы и скипетры от одной *нации* к другой», как это было с монархией вавилонян, персов, греков и римлян¹⁶. Равным образом Господь может передать скипетр от одного *рода* («*race*») к другому, как это было с Меровеем, чья корона перешла к Карлу Великому, а у рода Каролингов была отнята в результате тиранических действий в 988 году. Теперь (в условиях династического кризиса после убийства Генриха III) корона Франции должна быть передана Карлу, герцогу Лотарингскому, «подлинному и законному наследнику» французского престола¹⁷. И тут Пижена приводит очень характерный библейский аргумент, ссылаясь на Еккл 10, 8 («*Regnum a gente in gentem transfertur propter iniustitias*»), и употребляет выражение «*transport de Couronne de race en autre, et de nation en nation*»¹⁸. Те наследники, которые выглядят законными (с точки зрения Салической правды, как легко понять, – М.Д.), потеряли права на корону по причине «обмана, тирании и насилия», и эта тема развита Пижена с неизбежными ссылками на Ветхий Завет¹⁹.

Из чего же видны права Лотарингского дома на французскую корону? Пижена приводит единственно возможный, как кажется, и очень характерный аргумент: воля Божия выражается «гласом *народным*», решением «*народа*»²⁰.

Далее прослеживается генеалогия Лотарингского дома и Капетингов, приводятся дополнительные ссылки на Ветхий Завет и делается заключение, что «*народное* избрание», как и в ветхозаветную эпоху, есть непереносимое выражение и подтверждение Божьей воли. Очень показательно при этом, что собрание «народа Израиля» в Сихеме напрямую сравнивается с французскими Генеральными штатами²¹. Приводит Пижена и другие ветхозаветные примеры «народного избрания» монархов²², как и примеры из истории Рима (с точки зрения Тита Ливия, Тарквиний – тиран, так как занял престол не получив «народного» одобрения)²³. И – более того! – в этих примерах он находит обоснование мысли, что воля «самой здоровой и лучшей части *народа*» вместе с Божьим помазанием – выше, чем решение сословий²⁴.

Кто же эти люди – «лучшая и самая здоровая часть» *народа*? Легко догадаться, что это – католики («дети Божии», «дети Бога-отца», «*enfants du Père*»), и их голос и есть «глас народный» как «глас Божий»²⁵.

Прежде чем перейти к следующим частям сочинения Ф. Пижена, отметим: а) ничто не мешает при чтении памфлета видеть в слове «народ» (*peuple, populus*) эквивалент «нации» (*nation, natio*); б) понятие «народ» (*nation, peuple, nation, populus*) – базовое для выраженной здесь позиции (дискурса); в) «народ» стоит выше сословий; г) все соответствующие рассуждения прочно укоренены в ветхозаветном контексте.

Вторая глава сочинения Ф. Пижена развивает тему, заявленную в названии: «Правитель-еретик никогда не был, и никогда не должен быть королем Франции», и аргументы черпаются прежде всего в Ветхом Завете. Народ Израиля – пример народа, окруженного «нациями неверных», и поэтому ему было запрещено брать королей/царей из другой нации/народа, чтобы избежать деградации²⁶. Допустить такое – значило бы совершить по отношению к французам то же самое, что случилось с иудеями под властью Антиоха, с первыми христианами – под властью Юлиана-отступника²⁷. Церковь должна сопротивляться такому правителю, говорит Пижена, и мы видим, что только при ясно выраженном одобрении Господа правители могли править «Израильским *народом*»²⁸. Аналогичным образом церковь, «с согласия *народа*, или его представителей», или подтверждает власть короля, или может его прогнать и освободить «чад Израилевых, народ верных» («*les enfans d'Israël, et le peuple fidèle*») от обязанности повиноваться, если правитель не хранит верности Богу²⁹. Это право неповиновения «народа верных» предполагает и право сопротивляться королю-еретику, и даже право взяться за оружие³⁰.

Подводя промежуточный итог по этой части сочинения, обратим внимание, что понятие народ-нация здесь еще более центрально, чем в предшествующих разделах, и «народ» как едва ли не суверенный носитель полученной от Бога власти имеет право и даже обязан не подчиниться королю-еретику.

Третья глава сочинения Пижена развивает тему «народ/нация имеет право отказать в мандате королю-еретику...», потому что интересы и полномочия королевства выше личного интереса и выше личной власти короля, чьи полномочия переданы ему «народом», «общиной». Соответственно, Римский папа имеет право низложить короля (и на эту тему приводится множество примеров) и передать право наследования короны Лотарингскому дому³¹. С точки зрения Пижена, иное решение вопроса противоречило бы и «естественному праву», согласно которому «*Regnum non propter Regem, sed Rex propter Regnum*», и «сила и власть» сосредоточены «прежде всего в королевстве и в сообществе [*la communauté*], а не в том, кто король, – ибо если народ [сообщество] передало ему свою свободу, почему бы оно [сообщество] не лишило бы его этой свободы в том случае если, по попущению Божию, [правитель] злоупотребляет ею»³². Обосновывая этот, на первый взгляд, очень «модерный» тезис, Пижена упоминает среди многочисленных примеров низвергнутых королей и императоров и Генриха Валуа как одного из тех, кто поддерживает «турок, женеццев, англичан и вальденсов»³³. С другой стороны, снова заявляет Пижена, Лотарингский дом имеет право наследовать французскую корону.

В четвертой главе рассматривается право папы как носителя высшей светской власти, низложить короля, так как папа есть монархический глава всего «христианского народа» («*Prince étably sur tout le peuple Chrétien*») и всех отдельных «народов и королевств», подобный Моисею. Закон любви велит ему заботиться о благе людей, а «успокоение республики» есть высшее проявление любви. В данном случае это значит, что он должен добиться единения правителя и соответствующего народа, низлагая правителя, злоупотребившего властью или примкнувшего к иной, чем религия народа, религии, как это оказалось в случае с «беарнцем»³⁴, ибо правитель и народ должны быть объединены «единством и единообразием религии»³⁵. Пижена предлагает ряд аргументов в обоснование права папы низлагать королей³⁶ и, развивая тезис о сосредоточении в руках папы и духовной, и светской власти, снова ставит его в параллель с Моисеем как главой «народа израильского»³⁷. Соответственно папа, имея власть даже большую, чем ветхозаветные первосвященники, имел право отобрать французскую корону у еретика, и мы, если не желаем также оказаться еретиками, должны принять решение папы как солдаты принимают решение командующего³⁸.

Вторая часть сочинения Ф. Пижена призвана показать, что поддерживающие «беарнца» суть не только схизматики, но и еретики³⁹. В этом контексте возникает вопрос об единстве «народа-нации». Как нация связана с королем, королевством, католической верой и «христианским народом»? в какое отношение к ней поставили себя «еретики»? Пижена объясняет, что для понимания сложившейся во Франции ситуации, нужно осознать, что же такое – это единство католиков⁴⁰? Есть ли это объединение всех верующих непременно под руководством папы (и церкви, соответственно), и выступает ли «единство и единообразие» католиков залогом их спасения⁴¹? Ответ Пижена – строго каноничен: все верующие должны повиноваться папе⁴². Кроме того, как евреи объединены обрезанием, так христиане – таинством крещения, и таинство крещения означает, что христиане обязаны соблюдать то, что предписано Евангелием и церковью. Как Христос есть единственный глава церкви, так и церковь едина, так Бог желает, чтобы христиане были во всем едины⁴³. Те, кто стоит вне этого «католического единства», – схизматики и еретики, и две первые главы второй части со-

чинения Пижена посвящены объяснению того, кто есть схизматик и кто – еретик. Схизматики – все те, кто, как и «политики», не подчинялись или не подчиняются папе, и Пижена приводит примеры церковных расколов внутри западной Церкви, а также примеры греков, чехов, лютеран, англичан, анабаптистов, кальвинистов. Соответственно, многие из схизматиков становились и становятся, из-за своего упорства, – еретиками. И далее обосновывается мнение, что те, кто хотят привести на престол еретика Генриха Бурбона – еретики. Следующая глава развивает тему, что таинства и другие религиозные действия «еретиков» не составляют подлинного таинства и не несут им спасения, и это касается и духовенства, поддерживающего Бурбона.

В двух последних главах развивается тема отлучения от церкви «беарнцев», и именно в этом контексте остро встает вопрос о месте еретиков в «нации французов», которые, с точки зрения Пижена, должны непременно быть католиками. Поскольку, пишет он, схизматики упорствуют, превращаясь тем самым в еретиков, и доказывая тем самым, что их болезнь неизлечима – с ними должно поступить так же, как Карл Великий поступал с сарацинами, саксами, гунами, склавинами, баварцами, данами (датчанами) и ломбардами⁴⁴. И тут оказывается, что «французскость» «беарнцев» уже или не признается, или ставится под сомнение – они сравниваются и ставятся в один ряд с гуннами, саксами, склавинами, сарацинами, происходящими от Сары, но ей изменившими. И теперь «беарнцы» завоевывают и опустошают Францию как это делали сарацины в прошлом, и «они должны быть изгнаны из этой страны подобно сарацинам»⁴⁵. Пижена прибегает к сравнению еретиков-беарнцев с головой статуи Навухудоносора, чью грудь и руки составляют лютеране Германии, а живот и ляжки – Елизавета Английская. Но даже маленькая искра Божией правды, восклицает Пижена, сокрушит этот храм беззакония⁴⁶. Снова возникает тема «французов, ставших предателями, еретиками и безбожниками» («*ces traîtres, schismatiques et athéistes François*»). Оказывается, что это – *дегенерировавшая* часть «французской расы», чью голову отрубят, а череп раскрошит меч Карла Великого⁴⁷, так же как это случилось с саксами, сарацинами, гуннами, склавинами, баварцами и датчанами. А вслед за этим представитель «святого, неспорченного и ни разу не зараженного ересью рода (*race*)», то есть представитель Лотарингского дома, разобьет голову еретика, и «благородная лотарингская раса» получит корону Франции, чтобы (буквально!) «послать к черту» «Беарнца, Немца и Анличанина»⁴⁸.

Таким образом, виден не только конфликт «национального» и «конфессионального», но и, фактически, исключение еретиков из «национальной общности» и приравнение их к иностранцам – немцам и англичанам. Оказывается, что «Беарнцы» – не французы (хотя Пижена так прямо не выражается), потому все французы, непременно, – католики.

Подводя итоги, мы можем констатировать, что, во-первых, «народ-нация» – конституирующий, структурный элемент дискурса, представленного в трактате Ф. Пижена, и этот «народ-нация» включает всех «французов», к какому бы сословию они не принадлежали. Во-вторых, французский «народ-нация» выступает как одна из *nations/gentes*, то есть как категория, которую в научном языке Центральной и Восточной Европы принято называть «этносом». В-третьих, дискурс «народа-нации» неотделим от библейского дискурса и, более того, именно Библия (преимущественно Ветхий Завет) «форматирует» представления Пижена о «народе» и монархах. В-четвертых, присутствие двух религий в одном «народе» – мучительная для Пижена проблема, и поэтому возникает (имплицитно и эксплицитно) вопрос: не оказываются ли «еретики» вне «народа»? Конфликт «национального» и конфессионального проходит остро, но «национальное» никак не растворяется в конфессиональном; очень характер-

но в этом отношении, что «беарнцы-еретики» объявляются Пижена *дегенерировавшей* частью французской нации-народа. Оказывается, что к концу XVI века в представлениях даже одного из самых ярых противников протестантизма, для которого ценности католицизма безусловно выше «национальных», дискурс «французскости» уже вполне отчетливо отделен от дискурсов конфессиональной принадлежности, «про-то-национальное» отделено от религиозного.

Примечания

¹ [Pigenat F.] L'aveuglement et grande inconsideration des politiques, dicts Maheustres, lesquels veulent introduire Henry de Bourbon, iadis Roy de Navarre, à la Couronne de France, à cause de sa prétendue succession. Paris, 1592 (экземпляр Национальной библиотеки Франции, Париж).

² Boucher J. Pigenat, François // Jouanna A., Boucher J., Biloghi D., Le Thiec G. Histoire et dictionnaire des guerres de Religion. Paris: Laffont, 1998 (coll. Bouquins). P. 1205–1207.

³ Используемое в данной статье издание 1592 года, видимо, было вторым или третьим, так как Ф. Пижена умер в 1590 году; первое издание состоялось, скорее всего, в 1589 году, вскоре после встречи Генриха III с Генрихом Наваррским в Плесси-ле-Тур. См.: Boucher J. Op.cit. P. 1206.

⁴ Barnavi E. Le parti de Dieu. Étude sociale et politique des chefs de la Ligue parisienne, 1585–1594. Louvain: Nauwelaerts, 1980; Barnavi E., Descimon R. La Sainte Ligue, le juge et la potence. Paris: Hachette Littératures, 1985; Baumgartner F. Radical Reactionaries: the Political Thought of the French Catholic League. Geneve: Droz, 1975; Benedict Ph. Rouen during the Wars of Religion. Cambridge Univ. Press, 1981; Boucher J. Société et mentalités autour d'Henri III. Vol. 1–4. Lille: Centre d'édition des thèses, 1981; Bourquin L. Les nobles, la ville et le roi. L'autorité nobiliaire en Anjou pendant les guerres de Religion. Paris: Belin, 2001; Brunet S. «De l'Espagnol dedans le ventre!». Les catholiques du Sud-Ouest de la France face à la Réforme (vers 1540–1589). Paris: Honoré Champion, 2007; Cassan M. Le temps des guerres de Religion. Le cas du Limousin (vers 1530 – vers 1630). Paris: Publisud, 1996; Champion P. Paris au temps des guerres de Religion. Paris: Calmann-Levy, 1938; Champion P. Paris au temps d'Henri III. Paris: Calmann-Levy, 1942; Constant J.-M. Les Guise. Paris: Hachette Littératures, 1984; Constant J.-M. La Ligue. Paris: Fayard, 1996; Crouzet D. Les Guerriers de Dieu: la violence au temps des troubles de religion, vers 1525 – vers 1610. Vol. 1–2. Paris: Seyssel, Champ Vallon, 1990; Descimon R. Prises de parti, appartenance sociale et relations familiales dans la Ligue parisienne // Les réformes. Enracinement socioculturel. Ed. par B. Chevalier et R. Sauzet. Paris: La Maisnie, 1985. P. 123–136; Descimon R. Qui étaient les seize? Mythes et réalités de la Ligue parisienne, 1585–1594. Paris, 1983; Diedendorf B.S. Beneath the Cross: Catholics and Huguenots in the XVIth century Paris. New York-Oxford, 1991; Drouot Y. Mayenne et la Bourgogne, 1587–1596. Vol. 1–2. Paris: Picard, 1937; Gal St. Grenoble au temps de la Ligue. Étude politique, sociale et religieuse d'une cité en crise (vers 1562 – vers 1598). Grenoble: Presses universitaires de Grenoble, 2000; Jouanna A., Boucher J., Biloghi D., Le Thiec G. Histoire et dictionnaire des guerres de Religion. Paris: Robert Laffont, 1998 (coll. Bouquins); Jouanna A. La France du XVIe siècle. 1483–1598. Paris: PUF, 2006. P. 601–618: «Zeles» contre Politiques (1589–1594); Kaiser W. Marseille au temps des troubles, 1559–1596. Morphologie sociale des factions, 1559–1596. Paris: EHESS, 1992; Larcade V. Les capitaines gascons à l'époque des guerres de Religion. Paris: Éditions Christian, 1999; Lebigre A. La Révolution des curés. Paris, 1588–1594. Paris: Albin Michel, 1980; Mariéjol J. La Réforme et la Ligue. L'Édit de Nantes (1559–1598). Paris: Hachette, 1904 (= Histoire de la France. Sous la dir. de E. Lavisse, t. VI); réédition: Paris: Tallandier, 1983; Pallier D. Recherches sur l'imprimerie à Paris pendant la Ligue (1585–1594). Paris, 1975; Pernot M. Les guerres de Religion en France, 1559–1598. Paris: SEDES, 1987; Richard P. La papauté et la Ligue française. Pierre d'Epinaç, archevêque de Lyon (1573–1599). Paris–Lyon, 1901; Salmon J.H.M. The Paris Sixteen, 1584–1594: The Social Analysis of a Revolutionary Movement // Salmon J.H.M. Renaissance and Revolt: Essays in the Intellectual and Social History of Early Modern France. Cambridge, 1987; Venard M. Le catholicisme à l'épreuve dans la France du XVIe siècle. Paris: CERF, 2000; Vivanti C. Guerre civile et paix religieuse dans la France d'Henri IV. Traduit de l'italien par L.-A. Sanchi. Paris: Editions Desjonquères, 2006.

⁵ Исключение составляет статья М. Ярдени: *Yardeni M.* Religion et sentiment national en France aux XVIe et XVIIe siècles // Le sentiment national dans l'Europe méridionale aux XVIe et XVIIe siècles. Études réunies et présentées par A. Tallon. Madrid: Casa de Velázquez, 2007. P. 323–344).

⁶ К этой проблеме обращен международный исследовательский проект «Confessiones et nationes» (информация – на сайте Центра украинистики и белорусистики Исторического факультета МГУ: [www.hist.msu.ru / Labs/UkrBel/](http://www.hist.msu.ru/Labs/UkrBel/)), первые результаты которого представлены в частности в книге: Религиозные и этнические традиции в формировании национальных идентичностей в Европе. Средние века – новое время / под ред. М.В. Дмитриева (Religion et ethnicité dans la formation des identités nationales en Europe. Moyen Âge – époque moderne. Sous la dir. de Mikhaïl V. Dmitriev). М.: Индрик, 2008.

⁷ См., например: *Венар М.* (университет Париж – X Нантерр): «Добропорядочные французы» и «ревностные католики» во французских религиозных конфликтах конца XVI века (1584–1594 гг.) // Религиозные и эт-

нические традиции в формировании национальных идентичностей в Европе. Средние века – новое время / под ред. М.В. Дмитриева (Religion et ethnicité dans la formation des identités nationales en Europe. Moyen Âge – époque moderne. Sous la dir. de Mikhaïl V. Dmitriev). М.: Индрик, 2008. С. 71–86.

⁸ О складывании национального (или прото-национального) сознания во Франции позднего средневековья и раннего нового времени см.: Asher R.E. National Myths in Renaissance France. Edinburgh University Press, 1993; Beaune C. Naissance de la nation France. Paris: Gallimard, 1985; Bell D. Recent Works on Early Modern French National Identity // Journal of Modern History. 68 (1996). P. 84–113; Chaunu P. La France. Histoire de la sensibilité des Français à la France. Paris: Robert Laffont, 1982; Contamine Ph. Mourir pour la patrie, Xe – XXe siècles // Les lieux de mémoire. Sous la dir / de P. Nora. II. La Nation. Paris: Gallimard, 1986. P. 11–43; Contamine Ph. Qu'est-ce qu'un «étranger» pour un Français de la fin du Moyen Âge? Contribution à l'histoire de l'identité française // Peuples du Moyen Âge. Problèmes d'identification. Dirigé par Claude Carozzi et Huguette Taviani-Carozzi. Aix-en-Provence, 1996 (séminaire) Sociétés, idéologies et croyances au Moyen Âge). P. 27–43; Crouzet D. Mystique royale et «sentiment national»? Les visions du frère Fiacre de Sainte-Marguerite // Le sentiment national dans l'Europe méridionale aux XVIe et XVIIe siècles. Études réunies et présentées par A. Tallon. Madrid: Casa de Velázquez, 2007. P. 295–322; Dupont-Ferrier G. Le sens des mots *patria* et *patrie* en France au Moyen Âge et jusqu'au début du XVIIe siècle // Revue historique, 188 (1940). P. 89–104; Dubost J.-F. Enjeux identitaires et politiques d'une polémique. Français, Italiens et Espagnols dans les libelles publiés en France en 1615 // Le sentiment national dans l'Europe méridionale aux XVIe et XVIIe siècles. Études réunies et présentées par A. Tallon. Madrid: Casa de Velázquez, 2007. P. 91–122; Heller H. Anti-Italianism in Sixteenth-Century France. Toronto: University of Toronto Press, 2003; Holt M. P. Burgundians into Frenchmen: Catholic Identity in 16th century Burgundy // Changing Identities in Early Modern France. Duke University Press, 1997. P. 345–370; Kemp W. L'introduction et la diffusion de *patrie* en français au seizième siècle // Interpreting the history of French. A *Festschrift* for Peter Rictard on the occasion of his eightieth birthday / ed. by R. Samson and W. Ayres-Bennett. Amsterdam; New York: Editions Rodopi b.v., 2002. P. 213–242; Nordman D. Frontières de France. De l'espace au territoire, XVI–XIXe siècle. Paris: Gallimard, 1998 (Bibliothèque des histoires); Schaub J.-F. Le sentiment national est-il une catégorie pertinente pour comprendre les adhésions et les conflits sous l'Ancien Régime? // Le sentiment national dans l'Europe méridionale aux XVIe et XVIIe siècles. Études réunies et présentées par A. Tallon. Madrid: Casa de Velázquez, 2007. P. 155–168; Tallon A. Conscience nationale et sentiment religieux en France au XVIe siècle. Essai sur la vision gallicane du monde. Paris: PUF, 2002; Yardeni M. La conscience nationale en France pendant les guerres de religion (1559–1598). Paris; Louvain: Éditions Nauwelaerts, 1971; Yardeni M. Enquêtes sur l'identité de la «nation France». De la Renaissance aux Lumières. P.: Champ Vallon, 2004. Для чуть более позднего периода см.: Bell D.A. The Cult of the Nation in France. Inventing Nationalism, 1680–1800. Harvard University Press, 2001.

⁹ Термин «национализм», как это принято в англоязычной историографии, употребляется нами в последовательно нейтральном смысле – как термин, обозначающий дискурсы и общественно-политические движения, которые исходят из того, что нации существуют и что каждая нация может претендовать на создание собственного государства.

¹⁰ «Die Vorstellung, jeder Mensch habe Glied einer Nation und Bürger eines Nationalstaates zu sein, ist ein europäische Geschöpf» (протитировано в: Hroch M. Das Europa der Nationen. Die moderne Nationsbildung im europäischen Vergleich. Göttingen: Vandenhoeck and Ruprecht, 2005. P. 7).

¹¹ См.: Дмитриев М.В. Проблематика исследовательского проекта «Confessiones et nationes. Конфессиональные традиции и протонациональные дискурсы в истории Европы» // Религиозные и этнические традиции в формировании национальных идентичностей в Европе. Средние века – новое время / под ред. М.В. Дмитриева (Religion et ethnicité dans la formation des identités nationales en Europe. Moyen Âge – époque moderne. Sous la dir / de Mikhaïl V. Dmitriev). М.: Индрик, 2008. С. 15–42.

¹² [Fr. Pigenat]. L'aveuglement... P. 3 («l'hérésie est avancée, la foy diminué, l'Eglise esbranlée, le Royaume gasté, et le peuple ruiné»).

¹³ [Fr. Pigenat]. L'aveuglement... P. 5 («La puissance de regner, nonobstant toute succession, vient de Dieu, qui par la voix du peuple déclare celui qu'il veult, qui commande comme Roy»).

¹⁴ [Fr. Pigenat]. L'aveuglement... P. 8.

¹⁵ [Fr. Pigenat]. L'aveuglement... P. 9 («portant le tiltre et le nom de Roy sur le peuple fidèle, qui est son peuple spécial»).

¹⁶ [Fr. Pigenat]. L'aveuglement... P. 9.

¹⁷ [Fr. Pigenat]. L'aveuglement... P. 9–10.

¹⁸ [Fr. Pigenat]. L'aveuglement... P. 10.

¹⁹ [Fr. Pigenat]. L'aveuglement... P. 10.

²⁰ [Fr. Pigenat]. L'aveuglement... P. 13 (Dieu exprime sa volonté «en déclarant par les clameurs du peuple, qu'ils sont dignes de commander: et de fait comme ainsi soit que *vox populi sit vox Dei*, par laquelle Dieu nous nomme celui qu'il nous a conservé pour nous régir»).

- ²¹ [Fr. Pigenat]. L'aveuglement... P. 13–14 («...le peuple d'Israel s'assembla en Sichem, comme l'on fait aux Estats»).
- ²² [Fr. Pigenat]. L'aveuglement... P. 14 («je suivray celui, dit-il, pour Roy, que Dieu, *ce peuple* et tous les hommes d'Israel auront esleu» [2 Regnum 16 et 18]; Osias «esleu par *le peuple*» [2 Paral, cap. 16]).
- ²³ [Fr. Pigenat]. L'aveuglement... P. 14–15 («...sans avoir esté demandé du peuple»).
- ²⁴ [Fr. Pigenat]. L'aveuglement... P. 15 («...ou par la plus saine et meilleure partie du peuple avec l'onction, comme ont este tous les Rois de France depuis Clovis»).
- ²⁵ [Fr. Pigenat]. L'aveuglement... P. 17.
- ²⁶ [Fr. Pigenat]. L'aveuglement... P. 18 («toutes les autres *nations* circonvoisines estoient infidèles, ayant des Princes infidèles: et pour ce il leur defend de ne prendre pour Roy un homme d'une autre *nation* que de la leur, de peur qu'ils ne les gastassent, non poteris inquit alterius *gentis* hominem Regem facere, qui non sit frater tuus professione et religione»).
- ²⁷ [Fr. Pigenat]. L'aveuglement... P. 19.
- ²⁸ [Fr. Pigenat]. L'aveuglement... P. 35 (sur «le peuple d'Israël, peuple fidèle»).
- ²⁹ [Fr. Pigenat]. L'aveuglement... P. 35–36.
- ³⁰ [Fr. Pigenat]. L'aveuglement... P. 40.
- ³¹ [Fr. Pigenat]. L'aveuglement... P. 41 *passim*.
- ³² [Fr. Pigenat]. L'aveuglement... P. 44–45.
- ³³ [Fr. Pigenat]. L'aveuglement... P. 46.
- ³⁴ [Fr. Pigenat]. L'aveuglement... P. 53 («Biarinois hérétique»).
- ³⁵ [Fr. Pigenat]. L'aveuglement... P. 55 («comme fait et peut faire le Pape reconciliant le prince avec *le peuple*, ou le déposant de son autorité quand il en abuse, ou quand il est d'autre religion que *le peuple*, comme est le Biarinois. Car le Prince et le *peuple* doivent être liéz ensemble, par unité et conformité de religion»).
- ³⁶ [Fr. Pigenat]. L'aveuglement... P. 58 *passim*. («Tous les Princes chrétiens en tant que fidèles, sont ouailles du grand pasteur de l'Eglise, qui est le pape, Prince étably sur tout *le peuple Chrétien*, comme dit nostre Seigneur à S. Pierre: Ego constitui te Principem super plebem meam: ils sont donc subiects à sa correction. La Principauté d'Eglise étant Monarchique, le S. Père est étably, *super gentes et regna, sur les nations* et Royaumes, pour arracher, détruire et démolir ... ce qui est nuisible»).
- ³⁷ [Fr. Pigenat]. L'aveuglement... P. 60.
- ³⁸ [Fr. Pigenat]. L'aveuglement... P. 61–62.
- ³⁹ [Fr. Pigenat]. L'aveuglement... P. 63.
- ⁴⁰ [Fr. Pigenat]. L'aveuglement... P. 63.
- ⁴¹ [Fr. Pigenat]. L'aveuglement... P. 66.
- ⁴² [Fr. Pigenat]. L'aveuglement... P. 65.
- ⁴³ [Fr. Pigenat]. L'aveuglement... P. 65–66.
- ⁴⁴ [Fr. Pigenat]. L'aveuglement... P. 110.
- ⁴⁵ [Fr. Pigenat]. L'aveuglement... P. 111–112.
- ⁴⁶ [Fr. Pigenat]. L'aveuglement... P. 115–116.
- ⁴⁷ [Fr. Pigenat]. L'aveuglement... P. 117 («...l'espée de Charlemagne qui coupera la tête et brisera le cerveau à ceste schismatique et *dégénérée race Française*»).
- ⁴⁸ [Fr. Pigenat]. L'aveuglement... P. 118 («Aussi un fleuron de sa sainte et saine race qui n'a jamais été infectée d'hérésie rompra la tête à l'hérétique, ou puis sera rendue à la noble race de Lorraine le droict, comme à la plus ancienne et mieux méritée, de cette belle Couronne de France pour tenir toujours l'Eglise en bonne assurance, avec la justice en juste balance. Et alors nous pourrons dire, s'ils ne s'amendent en toute jouissance à Dieu, ou au diable le Biarinois, Alleman et Anglois»).

Т.Н. ИВАНОВА

ИДЕАЛ СРЕДНЕВЕКОВОГО МОНАШЕСКОГО АСКЕТИЗМА В ИССЛЕДОВАНИЯХ В.И. ГЕРЬЕ

Изучение истории средневекового католицизма в отечественной историографии долгие годы сдерживалось различными полулегальными запретами. В дореволюционной России это обуславливалось господством православной идеологии, в советской науке – атеистической. В ряду исследований, посвященных данной проблеме, выделяются труды русского историка Владимира Ивановича Герье (1837–1919 гг.), посвященные выдающимся деятелям средневекового католицизма. Это были одни из